

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосв. Саввы [Тихомирова], архиеп. Тверского [и Кашинского] († 13 октября 1896 г.): Том 1. (1819–1850 гг.) Годы: 1842–1843] // Богословский вестник 1897. Т. 3. № 7. С. 193–224 (3-я пагин.). (Продолжение.)

— 193 —

ворота въ судьбѣ вашей, — у меня непремѣнное намѣреніе 1842 г.
было затащить васъ къ себѣ на масленицу, — но такъ не
удобно было Всевышнему. Теперь только и надежды на слу-
чай, который (случай парень добрый, — онъ то-же иногда
подшучиваетъ) насъ вмѣстѣ, можетъ быть, заведетъ во Вла-
димиръ; или не вздумаемъ-ли мы съ супругою когда помо-
литься къ чудотворцамъ Муромскимъ. Все это неопредѣленно.

Я благополученъ. Весь мясоѣдъ принималъ и провожалъ
въ сѣрыхъ мундирахъ почтенныхъ посѣтителей — духовныхъ
чадъ своихъ, — а посѣщали-то всё касательно браковъ, ко-
ихъ на мою часть привелось нынѣ окружить съ десятокъ.
Посмотрѣли-бы вы на эти полныя суевѣрія, набитыя глу-
постию ихъ брачные обряды, — неудержимый смѣхъ! да и
великій грѣхъ! Хотѣлось побывать на родину, и то не со-
брался, развѣ какъ уже по веснѣ.

Теперь постъ, каждую пятницу припужденъ бываю стоять
часовъ по 10: ибо приходитъ еженедѣльно челоуѣкъ по
двѣсти на исповѣдь, а въ прочіе дни покоюсь — почитываю —
у нашего барина библиотека богатая, — спасибо снабжаетъ
книгами. По понедѣльникамъ и четвергамъ хожу къ госпо-
дину на кондиціи обучать закону Божію и лат. языку и
проч... барышню.

Вы скажите, другъ, о Муромѣ, какъ онъ вамъ показался?
дайте понятіе о вашихъ доходахъ, о трудности служенія и
о прочихъ удовольствіяхъ жизни, нѣтъ-ли у васъ новостей?
Кто учителя въ училищѣ, на чье мѣсто вы поступили? и
проч. Не откажитесь о всемъ подробнѣе увѣдомить, если
не желаете прервать давняго между нами искренняго дру-
жества и клятвеннаго обѣщанія. Помните-ли? Я всегда живо
представляю и бурсацкій садъ, и тѣ игривыя мечты, кото-
рыя кружили наши неопытныя головы. Еще прошу и молю
отслужите, не поставьте себѣ въ трудъ, я прошу какъ друга
и жена моя, — какъ благодѣтеля, — отслужите молебень Петру
и Февронію при ихъ гробѣ о моемъ здоровьѣ, за что самъ
постоянно буду обязанъ молиться о васъ. Въ Муромѣ, знаю,
вамъ жить понравится, — при томъ-же вы живете на самомъ
красивомъ мѣстѣ, въ глазахъ соборъ, подъ бокомъ Ока, —
а лѣтомъ-то веселье! И это веселье вѣрно въ 10,000 кратъ,
а можетъ и болѣе усугубить своими ласками ваша милая
супруга.

1842 г. За симъ, пожелавъ вамъ возможнаго на землѣ блаженства, прося не забывать меня окаяннаго въ вашихъ святыхъ молитвахъ и самъ обязуясь платить тѣмъ-же, остаюсь истинно—нелицемерно любящій васъ другъ Абакумовскій іерей Михаилъ.

Р. С. Любя васъ, не могу не засвидѣтельствовать чисто-сердечнаго почтенія и супругѣ вашей Аннѣ Васильсвнѣ. Желая всѣхъ благъ и радостей“.

9-го апрѣля писалъ мнѣ изъ Владиміра, въ отвѣтъ на мое письмо, ученикъ высшаго отдѣленія семинаріи, дальній мой родственникъ и землякъ, уроженецъ села Иванова, Андрей Альбицкій:

„Письмо ваше я получилъ 23 марта. Пріятно было читать писанныя вами строки; съ удовольствіемъ перечитываю я ихъ и доселѣ. Нбо изъ сихъ не многихъ строкъ я узналъ весьма многое. Узналъ, что въ супружеской жизни вы нашли для себя истинное счастье, и что, не смотря на множество возложенныхъ на васъ обязанностей, вы можете еще удовлетворять стремленіямъ любознательнаго своего духа. Дай Богъ, чтобы это счастье продлилось на многія лѣта. При томъ изъ вашего письма я узналъ, что вы еще не забыли того дружества, какое долго сохранялось между нами, не смотря на то, что вы поставлены совершенно въ другихъ уже отношеніяхъ. Радуюсь и благодарю Бога, что ни дальность разстоянія, ни разность состояній не могла еще прервать нити сего дружества. Надѣюсь, что и на будущее время вы не оставите меня своимъ расположеніемъ и не откажетесь подѣлиться съ стариннымъ другомъ нѣсколькими минутами досуга.

Что касается до нашихъ Владимірскихъ новостей: то я до нихъ не охотникъ и потому не знаю, что сказать вамъ новенькаго. Впрочемъ, скажу, что знаю. Между нами—семинаристами *промчяся слово*, будто нашъ попечитель о. ректоръ Поликарпъ скоро отправится на чреду въ Петербургъ, только не могу ручаться за вѣрность сего (слуха) слова,—не знаю не выдумка-ли это какихъ-нибудь шарлатановъ, коихъ у насъ въ семинаріи довольно. За новость также сообщаю вамъ объ опредѣленіи нѣкоторыхъ изъ вашихъ друзей и товарищей на священническія мѣста, а именно: Иванъ Ефимовичъ Целебровскій выходитъ въ

вашъ Муромскій уѣздъ — въ погость Зяблицкій, Василий 1842 г. Петровичъ Твердиславъ — въ уѣздъ Юрьевскій, — въ село Андреевское, и оба они получили уже билеты для женитьбы.

Теперь слѣдуетъ сказать что-нибудь повенькаго о себѣ самомъ. Честь имѣю рекомендоваться вамъ, что я не просто уже ученикъ семинарин, но и нѣкотораго рода ремесленникъ. Для нѣкоторыхъ цѣлей я вздумалъ у досугу изучиться переплетать книги, и подъ руководствомъ извѣстнаго вамъ малаго Петра Орлова уже нѣсколько успѣлъ въ выполненіи сего намѣренія. За истинность сихъ словъ можетъ ручаться переплетенная мною ваша книжица, которую вы получите, я думаю, вмѣстѣ съ симъ письмомъ отъ Александра Егорыча. Остальныя тетради ваши не посылаю въ настоящее время потому, что онѣ еще не переплетены; а не переплетены потому, что не знаю еще вашего мнѣнія объ этомъ предметѣ, опасаясь, какъ бы вмѣсто услуги не причинить вамъ огорченія своимъ неискуснымъ мараньемъ. Надѣюсь узнать ваши мысли объ этомъ вскорѣ послѣ Пасхи отъ Александра Егорыча, и тогда все сдѣлаю по вашему желанію. Да вотъ еще и позабылъ было сказать вамъ о старинной новости, которая имѣетъ повстрѣчаться со мною въ завтрашній день. Завтра я имѣю отправиться вмѣстѣ съ другими въ село Иваново, и тамъ отъ лица вашего думаю засвидѣтельствовать почтеніе всѣмъ вашимъ роднымъ и знакомымъ. Надѣюсь, что вы не почтете за это меня дерзкимъ.

Не зная никого, и самъ не бывъ извѣстенъ никому изъ вашихъ домашнихъ, я не смѣю свидѣтельствовать имъ моего почтенія. Что касается до васъ лично, то имѣю честь привѣтствовать васъ съ наступающею Великою седмицею св. Четырнадцатницы, желаю счастливо встрѣтить и весело провести праздникъ св. Пасхи.

Всѣ ваши старинныя друзья и знакомые единогласно свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе,—то и дѣло слышишь: отъ меня напиши поклонъ, отъ меня засвидѣтельствуй почтеніе, такъ что если-бы переписывать всѣхъ помянно, то, думаю, не достало-бы миниатюрнаго лоскуточка бумаги, не достало бы и времени повѣствующему.

Не гнѣвайтесь на меня за сухость и холодность сего письма — причины этого кажется вамъ извѣстны.

1842 г. Остаюсь всегда преданный вамъ покорный вашъ слуга Андрей Альбицкій“.

Далѣе слѣдуютъ собственноручныя приписки нижеподписывающихся лицъ.

„Любезнѣйшему другу Ивану Михайловичу свидѣтельствую нижайшее почтеніе и желаю много лѣтъ священствовать. Желательно мнѣ было посѣтить васъ объ св. Пасхѣ; но къ несчастію остаюсь здѣсь во Владимірѣ.

Изв. вамъ Як. Обтемперапскій.

Яковъ Горицкій посылаетъ вамъ самый полновѣсный поклонъ. Завтра же онъ отправляется домой—на лыжахъ восторга въ объятія матери и къ о. Василию въ гости“.

29-го мая писалъ я въ Иваново къ своимъ роднымъ—зятю Василию Александровичу и сестрѣ Марьѣ Михайловнѣ Левашевымъ:

„Не знаю, какъ вамъ, а мнѣ думается, какъ будто-бы я нѣсколько виноватъ предъ вами, что не писалъ вамъ около трехъ мѣсяцевъ ни одной строчки. Къ тому-же и было о чемъ писать, и нельзя пожаловаться на совершенный недосугъ. Оправданіе нахожу для себя въ томъ только, что отъ васъ доселѣ не получаю отвѣта па мои письма. При семъ у меня та мысль, что или мои письма не доходятъ къ вамъ, какъ случилось съ первымъ письмомъ на святкахъ,—или Ѳеодоръ Семенычъ ¹⁾ лѣнился отвѣчать. Если допустить порвое,—то значить, что письменныя сношенія между нами должны быть очень рѣдки за тѣмъ, что вѣрныхъ occasій въ Иваново, не знаю, часто-ли можно встрѣчать въ Муромѣ. Если же справедливо послѣднее: то Ѳеодоръ Семенычъ остается виноватымъ, и не столько предо мною, сколько предъ своими родными, которые на сихъ дняхъ были у меня, и съ потерпѣніемъ желаютъ знать о его положеніи. Впрочемъ, что-бы ни было причиною вашего молчанія,—рѣшился ввѣрить почтѣ еще одно письмо,—на которое покорнѣйше прошу васъ отвѣчать не письменнымъ посланіемъ, а личнымъ свиданіемъ. Я думаю понятно, о чемъ идетъ рѣчь. Если нѣтъ: то я вамъ объясню. Вотъ наступаетъ мѣсяць іюнь,—мало по малу приближается 25-е число;—это день нашихъ чудотворцевъ,—свѣтлый празд-

¹⁾ Виноградовъ, — діаконъ Единовѣрческой церкви въ гор. Ивановѣ; жевать былъ на родной племянницѣ преосвященнаго Саввы. Скопчался въ мартѣ 1897 года.

пикъ града Муромъ,— время прекрасное. Мнѣ-бы очень хотѣлось встрѣтить и проводить первый въ моей брачной жизни праздникъ съ вами, моими милыми родными. И что-бы могло воспрепятствовать вамъ удовлетворить моему усерднѣйшему и искреннему желанію? Скажете: служба по церкви, домашнія заботы и недосуги, дальнее разстояніе? У любящихъ искренно эти обстоятельства не должны быть препятствіемъ къ свиданію и посѣщенію любимаго. Особенно вы, сестрица, не думаю, чтобъ измѣнили своему слову. И можете ли представить, какое удовольствіе принесете мнѣ своимъ посѣщеніемъ?—Съ какимъ удовольствіемъ я буду слушать рассказы о вашемъ положеніи, о вашихъ Ивановскихъ новостяхъ.—Думаю, что надежда меня не обманетъ—видѣть хотя кого-нибудь изъ васъ у себя въ праздникъ.—Для надежнѣйшаго удовлетворенія моему желанію потрудитесь какънибудь снестись съ Горицкими; я приглашаю на праздникъ такъ же: и тетюшку Татьяну Ивановну. Съ общаго согласія и общими силами вамъ будетъ легче и удобнѣе рѣшиться предпринять путешествіе. Впрочемъ, оставляю это вашему благоусмотрѣнію,—только не лишайте меня удовольствія видѣть васъ у себя.—Итакъ, до пріятнаго свиданія...

Между тѣмъ поразкажу вамъ кое-что о себѣ. Не смотря на то, что служу при безприходномъ соборѣ, я имѣю у себя духовныхъ дѣтокъ. Городничій и еще одна барыня, по преемству, набрали меня отцомъ духовнымъ. Могу похвалиться своими дѣтками,—люди очень хорошіе, хотя и не такъ щедры, какъ въ Ивановѣ; но эта общая черта всѣхъ Муромлянъ. На пятой недѣлѣ Великаго поста, въ день ангела своего, дѣлалъ вечеръ,—приглашалъ къ себѣ всѣхъ родныхъ, учителей и знакомыхъ дворянъ. Этотъ вечеръ стоилъ мнѣ рублей около 70-ти. Дѣлать нечего: съ волками жить, надобно по волчьи выть,—дѣло городское, и самъ частенько бывалъ на подобныхъ вечерахъ. Святую Пасху проводилъ довольно весело. Тутъ я познакомился со всѣмъ Муромомъ—былъ у всѣхъ почти дворянъ и богатыхъ купцовъ. Но это знакомство слишкомъ дорого стоило бы, если бы одинъ богатый купецъ—новый пашъ староста—не услужилъ намъ парочкой лошадей. Вамъ любопытно знать о нашихъ доходахъ? Доходы наши въ сравненіи съ Иванов-

1842 г. скими очень не велики: впрочемъ и мы въ св. Пасху находили на общество поболѣе двухъ сотъ рублей. Со времени поступленія своего, т. е. съ февраля и доселѣ я получилъ доходу отъ собора около двухъ сотъ, да отъ училища сто рублей жалованья. Но такихъ доходовъ на настоящіе мои расходы недостаточно; долженъ былъ одолжиться, и, благодаря Алексапдру Алексѣичу, — безъ малѣйшей отговорки и безъ всякихъ документовъ, получилъ отъ него сто рублей на исправленіе моихъ нуждъ. Авось какъ-нибудь при помощи Божіей поправлюсь. Недавно слышалъ я изъ Владиміра новость, для меня очень интересную. Слышно, что у насъ одинъ изъ учителей 3-го класса скоро, можетъ быть, перейдетъ въ семинарію, такъ какъ онъ изъ академіи. Это мѣсто семинарское начальство, по волѣ Владыки, думаетъ предоставить мнѣ. Очень хорошо, если-бы это сбылось..... И настоящее мое положеніе, слава Богу, хорошо — особенно тѣмъ, что я спокоенъ духомъ, живу со всѣми въ мирѣ, и съ семейными и съ сотоварищами по службѣ — соборной и училищной, — отъ начальства того и другаго пользуюсь добрымъ расположеніемъ, — особенно отъ о. протопопа приобрѣлъ большую довѣренность — по собору. — При спокойствіи душевномъ наслаждаюсь легкимъ упражненіемъ въ обработываніи своего небольшого садика. Да я уже слишкомъ много наговорилъ вамъ, надобно побережечь что-нибудь для разговоровъ при личномъ свиданіи.

Анна Васильевна усердно желаетъ вамъ добраго здоровья, и вмѣстѣ со мною остается въ несомнѣнной надеждѣ видѣть васъ у себя на праздникъ, — и въ благодарность за ваше посѣщеніе съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ ваканціи, какъ благопріятнѣйшаго времени быть у васъ.

Прощайте, — будьте здоровы, — по полученіи сего письма не медлите обдумывать планъ для путешествія къ намъ.

Братъ вашъ, Муромскаго Б. собора свящ. І. Тихомировъ“.

„Любезные мои!

Федоръ Семенычъ и Авдотья Васильевна!

будьте здоровы, счастливы и веселы.

Убѣдить васъ касательно посѣщенія меня на праздникъ, кажется, не слишкомъ трудно. Кромѣ моего собственнаго

приглашенія къ себѣ, я имѣю порученіе отъ вашихъ родныхъ просить васъ въ Муромъ непременно. Они крайне желаютъ видѣть васъ. Грѣшно вамъ будетъ отказать... 1842 г.

Сашиныхъ кланяемся и цѣлуемъ.

Кланяйтесь отъ насъ Ивану Иванычу и сестрицѣ Аннѣ Махайловнѣ,—предложите имъ, не угодно-ли и имъ вмѣстѣ съ вами посѣтить меня“.

9-го іюня писалъ мнѣ изъ Гориць о. Василій Саповскій:

„Много протекло времени, какъ мы разстались и не виделись; много, кажется, было случаевъ написать другъ къ другу, но ни тотъ ни другой не пишемъ и не писали. Признаюсь, что я ограничивался одними поклонами посредствомъ другихъ; мнѣ слѣдовало-бы васъ особеннымъ письмомъ возблагодарить за ваше при бракѣ угощеніе, но этого-то мнѣ не угодилось—и эту вину простите.

Изъ послѣдняго письма вашего къ отцу крестному, который удостоилъ меня прочесть, видѣлъ я и порадовался, что начало очень хорошо. Вы начали строить храмину земнаго блаженства не на песцѣ—не на хитрыхъ оборотахъ, лукавствѣ или самонадѣятельной гордости; но на твердыхъ основаніяхъ — на скромности, уваженіи и на любви не только къ ближнимъ,—и ко всѣмъ; на любви, говорю, которая, по словамъ апостола, есть союзъ совершенства, слѣдовательно и блаженства. Самъ Господь являетъ примѣръ и говоритъ: научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обрящете покой душамъ вашимъ. Вы нынѣ же пожинаете плоды—отъ собратій, отъ мірскихъ и отъ вышнихъ любви. Держитесь любви, ревнуйте же дарованій большихъ, паче же духовныхъ, и вамъ Богъ покажетъ путь еще превосходнѣйшій.

Въ письмѣ вашемъ просите родныхъ на праздникъ, не знаю о семъ что сказать. Отецъ діаконъ отозвался мнѣ болѣзнію Татьяны Ивановны, а прочіе, что скажутъ, не извѣстно.—Вашъ теперь долгъ посѣтить деревенскую жизнь нашу и рассмотретьъ кущи и природу неподдѣльную, а простую натуральную. Посѣщеніе ваше и для меня интересно будетъ,—я надѣюсь, что и мой домишко не обойдете.

Въ ожиданіи и остаюсь, при засвидѣльствованіи вамъ

1842 г. и почтенной Аннѣ Васильевнѣ съ маминькой вашей и домашними моего усерднѣйшаго почитанія“.

4-го іюля получилъ я письмо изъ подгородняго села Малтицъ (въ 20-ти верстахъ отъ Муромъ) отъ окончившаго курсъ семинаріи, совоспитанника моего по бурскѣ Павла Степановича Гирсамова.

Онъ писалъ:

„Ваше Благословеніе,
отецъ Іоаннъ!

Какъ прежде коротко съ вами знакомый, считаю необходимымъ увѣдомить васъ, что я нахожусь вблизи отъ васъ, въ селѣ Малтицахъ на кондиціи у помѣщика Михаила Васильевича. Здѣсь я окруженъ поэзією, всѣми нѣжными утонченными удовольствіями свѣта. Но я еще не опомнился, ослѣпленный блескомъ новаго всего, я не успѣлъ еще раскрыть грудь свою, для того, чтобы она пила нѣгу этого, новаго, прекраснаго міра. Скоро я пойму этотъ міръ, люблю его душою и тогда пастанетъ для меня блаженная жизнь.

Я хотѣлъ ѣхать въ Муромъ вмѣстѣ съ барипомъ, но еще мало здѣсь пожилъ. Черезъ недѣлю или двѣ прошу принять меня, какъ прежняго пріятели. Мнѣ желательпо посмотреть на васъ и видѣть ваше житье-бытье.

Михаилъ Васильевичъ и его супруга говорятъ объ васъ, что вы прекрасный, всѣми любимый священникъ, — только любо слушать!

Время коротко, лошади готовы. Оканчиваю.

Прощайте, до пріятнаго свиданія! Студентъ Владимірской семинаріи Павелъ Гирсамовъ“.

Помѣщикъ Михайла Васильичъ Языковъ, у котораго поселился Гирсамовъ, доводился моею тещѣ въ коемъ-то родствѣ.

Гирсамовъ, родомъ изъ Холуйской слободы, отличался въ семинаріи поэтическимъ даромъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ Гирсамовъ снова писалъ мнѣ:

„Я получилъ, пріятный для меня, словесный отвѣтъ вашъ на мое письмо. Въ немъ вы изъявили готовность принять меня въ домъ свой. Это меня весьма обрадовало, и я горю нетерпѣніемъ побывать у васъ. Не много я жилъ здѣсь,

но много хорошаго отъ нѣсколькихъ людей слышалъ объ васъ. Между прочими посѣтителеми былъ у Михайла Васильевича отецъ протопопъ. „Богъ же дастъ, говорилъ онъ объ васъ, человѣку вся благая,—и умень и кротокъ, вообще имѣетъ всѣ совершенства. Это мой отличный товарищъ. Пресвященному я почелъ долгомъ рекомендовать его отлично хорошимъ“. Вотъ слова его, и ихъ очень помню. Желать послѣ сего больше вамъ нечего, какъ только того, чтобы Богъ продлилъ до глубокой старости жизнь вашу, и сохранилъ во всей крѣпости ваше здоровье. И думаю, и супруга ваша служить украшеніемъ вашего дома, какъ солнце въ полдень на ясной лазури служить великимъ украшеніемъ неба, по выраженію премудраго Сираха. Такъ надобно думать, судя по добротѣ и мудрому управленію покойнаго своимъ домомъ.

Право, я не нарадуюсь слыша объ васъ отзывы, какихъ лучше желать нельзя. Можно навѣрно ожидать, что ваши заслуги и впредь будутъ постоянно увеличиваться, равно какъ и награды за нихъ. Дай Богъ! Дай Богъ!“

7-го іюля получилъ я изъ Иванова отъ діакона Единовѣрческой церкви Феодора Семеныча Виноградова, женатаго на дочери моей старшей сестры, письмо отъ 10-го іюня, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что онъ предъ Пасхой послалъ мнѣ два письма, что дѣло нашего Кохомскаго зятя проиграно, но онъ снова отправился въ Петербургъ, что сестра моя Марья Михайловна не можетъ пріѣхать къ намъ въ гости на праздникъ Муромскихъ чудотворцевъ и проч...

21-го числа того-же іюля писалъ я въ Иваново зятю и сестрѣ:

„Очень сожалѣю, что не имѣлъ удовольствія видѣть васъ у себя во время праздника нашего; хотя и знаю, что причина, воспретившая вамъ посѣтить меня, весьма достаточна. Теперь не иначе могу удовлетворить своему желанію видѣться съ нами, какъ рѣшившись видѣть васъ у васъ же самихъ. Да, въ слѣдствіе моего обѣщанія и соотвѣтственно вашей просьбѣ, думаю совершить на первый разъ путешествіе къ милымъ своимъ роднымъ, тѣмъ болѣе, что этого сильно и рѣшительно желаетъ моя Анна Васильевна. Только то намѣреніе не прежде можетъ исполниться, какъ въ по-

1842 г. слѣдней половинѣ августа, послѣ Архіерейскаго пріѣзда. Преосвященнаго ожидаемъ 8-го числа августа. 9-го обѣщался онъ, говорить, служить у насъ — въ соборѣ. Изъ Муромъ, посѣтивши нѣкоторыя села за Окой, 14-го числа отправляется въ Меленки. Слѣдовательно 15-го числа я могу быть свободенъ, и можетъ быть, отправлюсь въ путь прямо въ Хотимль; оттуда, разумѣется, въ Горицы, — а потомъ чрезъ Кохму и къ вамъ. По моему соображенію, это должно быть числа 23-го или 24-го августа. Очень прискорбно будетъ, если что-нибудь воспрепятствуетъ исполниться этому взаимному нашему желанію. Тѣмъ болѣе, что если я не воспользуюсь нынѣшній годъ благоприятѣйшимъ временемъ посѣтить васъ, — въ слѣдующее время, Богъ знаетъ, удастся-ли мнѣ это?

Прошайте. Въ надеждѣ пріятнаго свиданія съ вами остаемся — свящ. Іоаннъ и Анна Тихомировы“.

Въ первыхъ числахъ августа начались у насъ по собору дѣятельныя приготовленія къ встрѣчѣ Архипастыря. О. протоіерей Троипольскій, какъ начальникъ весьма заботливый и любящій во всемъ строгій порядокъ, не разъ собиралъ насъ въ соборъ и дѣлалъ репетицію встрѣчи Архіерея. 8-го числа прибылъ въ Муромъ Владыка и подѣхалъ прямо къ собору, гдѣ собралось все градское духовенство. Послѣ обычной краткой литіи и многолѣтія, высокопреосвященный архіепископъ Пареній, изъ собора отправился въ Благовѣщенскій монастырь, гдѣ онъ обыкновенно имѣлъ свое пребываніе, а въ слѣдъ за нимъ туда-же отправилось и духовенство для принятія архипастырскаго благословенія.

На другой день 9-го числа, Преосвященный служилъ въ соборѣ. Участвоваль-ли я въ этомъ служеніи, не помню. Но на слѣдующій день, я съ тещею и съ ея малолѣтнимъ сыномъ Николаемъ отправились въ квартиру Владыки принять его святительское благословеніе. Онъ благосклонно припаялъ насъ и моею тещѣ пожаловалъ на ея домашнія чужды полу-имперіаль, — что принято было ею, разумѣется, съ чувствомъ глубокой признательности.

Проводивши изъ Муромъ Владыку, я началъ собираться въ предположенный путь на родину. Сначала у меня была мысль начать посѣщеніе съ родныхъ Хотимильскихъ, у коихъ праздникъ Успенія Б. Матери былъ храмовый, тор-

жественный праздник: но, по неисправности недобросовѣстнаго извозчика, мы не могли выѣхать изъ дома до этого праздника, и выѣхали не ранѣе 16-го числа. Тогда я измѣнилъ планъ своей поѣздки и, вмѣсто Хотимля, началъ съ Иванова. По пути къ Иванову мы останавливались въ г. Ковровѣ, гдѣ нашли родственницу — помѣщицу Анну Абрамовну Гертигъ и были приняты ею радушно; за тѣмъ ночевали въ селѣ Дежневѣ у священника Льва Полисадова, о которомъ прежде была рѣчь. Числа 19-го приѣхали въ Иваново, гдѣ нашли, конечно, самый радужный пріемъ. Изъ Иванова, дня черезъ четыре или пять переселились въ Горицы, на мою родину, гдѣ также оказанъ былъ намъ должный привѣтъ. 26-го числа мы приглашены были къ о. Василию Сапоровскому на чай запискою слѣдующаго содержания: „Покорнѣйше прошу по прежнему ко мнѣ расположенію съ почтеннѣйшею супругою вашею Анною Васильевою посѣтить мой домъ и напиться чаю, а тѣмъ болѣе утвердить и дружество и родство, чего я отъ искренности желаю“.—Изъ Горицъ, чрезъ Шую, проѣхали мы въ Хотимль и здѣсь провели день ангела моего добраго зятя Ивана Николаевича ¹⁾ (29-го числа). По пути изъ Хотимля заѣзжали въ село Пантелѣево къ родственному діакону Мануилу Петровичу, женатому на родной сестрѣ моего покойнаго тестя. Въ первыхъ числахъ сентября благополучно возвратились въ Муромъ, гдѣ ожидали меня училищныя занятія.

Между тѣмъ, пока я путешествовалъ па родину, теща моя, Прасковья Степановна, получила изъ г. Лебедина, Харьковской губерніи, отъ зятя своего, полковаго священника Василія Никитича Вознесенскаго утѣшительное письмо отъ 14-го августа. Вотъ что онъ писалъ ей:

„Любезная сестрица

Прасковья Степановна!

Весьма прискорбно слышать извѣстія, подобныя Вашимъ. Мы до сихъ поръ еще не свыклись съ мыслию о разлукѣ съ любезнымъ Васильемъ Васильевичемъ. До насъ, еще прежде вашего дошла эта скорбная вѣсть отъ сестрицы Надежды Степановны и мы, какъ пораженные, какъ остолбенѣлые, не хотѣли вѣрить глазамъ своимъ. О Господи,

¹⁾ Успенскаго.

1842 г. какъ неразгаданно совершаются судьбы Твои надъ нами грѣшными?—Думали-ль мы, прощаясь не надолго, прощаться на вѣки, и не встрѣтятся лицомъ къ лицу въ настоящей жизни?—Право, съ потерею покойныхъ Егора Ѳедорыча и Василья Васильича Муромъ потерялъ для меня много—много, почти всю цѣну. Тамъ я не встрѣчу уже тѣхъ, съ кѣмъ радъ-бы былъ подѣлиться и душой и сердцемъ, кого привыкъ любить и почитать своими. Ваше несчастіе есть вмѣстѣ и мое горе; я время отъ времени лишаюсь многихъ, къ кому отъ чистаго сердца преданъ былъ душой—и, это горе еще болѣе усиливается, что по моему положенію и отношеніямъ жизни, я какъ бы не успѣлъ доказать своего расположенія, не успѣлъ раскрыть вполнѣ предъ ними своего сердца. Они, вѣрно, вмѣстѣ снятъ въ сырой землѣ, рядомъ возстануть и на послѣдній гласъ Ангела: признаюсь, и я бы хотѣлъ, когда Богу угодно будетъ потребовать меня отсюда, вмѣстѣ съ ними подъ однимъ дерномъ ждать будущаго воскресенія. А то, право, Богъ знаетъ, гдѣ достанется уложить себя, чья рука и какая земля закроютъ глаза мои. Знаю, мы увидимся съ ними, — но не здѣсь; можемъ имѣть съ ними сношенія, сообщенія и въ настоящей жизни, но только силою молитвы объ нихъ. Этотъ-то пламень преклоняетъ горній міръ къ дольнымъ, соединяетъ мертвыхъ съ живыми. Не хочу пускаться теперь въ объясненіе, какъ это бываетъ, но только бываетъ. Живые могутъ еще помогать мертвымъ, и мертвые еще не перестаютъ любить и за гробомъ живыхъ. Будемъ же, какъ можно больше молиться объ нихъ, чтобы и они не охладѣли къ намъ своею любовію.

Не думайте, что бы я въ настоящее время думалъ утѣшать васъ силою слова; нѣтъ, я знаю сердце человѣческое. На языкѣ человѣческомъ нѣтъ такихъ словъ, нѣтъ такихъ убѣжденій, отъ которыхъ-бы закрывались раны, подобныя вашимъ. Но у Того, Кто посылаетъ на насъ такія липенія, есть цѣлительный бальзамъ отъ всего. Гдѣ несчастія, бѣды, крестъ, тамъ непремѣнно посылаетъ Онъ и вѣру и терпѣніе, могущее противостать и перенести. Изъ любви къ нему многіе не только не жалѣли объ умершихъ; но и сами съ радостію шли на смерть. Богъ, какъ врачъ душъ нашихъ, знаетъ какія кому прописать лѣкарства для исцѣ-

ленія. Онъ отдалъ за насъ Свою плоть и кровь; цѣною позорной смерти купилъ избавленіе, спасеніе наше. Ему-ли, Всевѣдущему, Всемогущему не знать, какія употребить средства, которыя-бы привели человѣка къ извѣстной благодатной цѣли. Если лѣкарства, если несчастія, по чувственнымъ нашимъ понятіямъ, кажутся намъ слишкомъ противны и тяжелы: то въ этомъ особенно является любовь и благодать Господня. Сильно больнымъ даютъ сильныя рѣшительныя средства. Кто знаетъ, можетъ быть, безъ этихъ средствъ, которыми Богъ опамятовываетъ насъ, указываетъ на настоящую цѣль жизни, мы забылись-бы и жили по своей буйной волѣ. Богъ—любовь есть. Вѣдь мы сами же ставимъ кресты на могилѣ покойниковъ; а что они значать? что мы хотимъ этимъ показать? — Спросите-ка, анъ и выйдетъ: „Господи, да будетъ святая воля Твоя! Ты отнял отца у дѣтей и вѣрно не оставишь Своимъ отеческимъ попеченіемъ объ нихъ!“.

О перешедшихъ же за рубежъ жизни говоритъ Божественный Мудрецъ, что они покойниѣ всѣхъ. И правда, они, я думаю, съ горестію смотрятъ оттуда на насъ, на нашу бѣдную, суетную, ничтожную жизнь. Изъ нихъ вѣрно бы теперь ни одинъ не пожелалъ возвратиться изъ-за предѣловъ вѣчной, блаженной жизни. Смерть наша—настоящее рожденіе младенца. Хорошо-ли ему въ утробѣ матери? Однако, онъ плачетъ, иногда очень сильно плачетъ разставаясь съ ней;—новая жизнь ему не нравится, свѣтъ для него противенъ; но обжившись, разсмотрѣвшись, онъ вѣрно не переменитъ настоящаго своего положенія, на прошедшее. Въ Алкоранѣ есть одно весьма дѣльное правило, почти на этотъ предметъ, кажется; такъ оно читается, не помню:

„Человѣкъ, когда ты родился, то всѣ радовались, одинъ ты плакалъ; живи-же такъ на свѣтѣ, чтобы въ часъ смерти твоей всѣ плакали, одинъ бы ты радовался“.

Они видятъ теперь тамъ то, во что мы только вѣруемъ. Да будетъ-же имъ вѣчная память! Будемъ больше молиться объ нихъ, какъ можно больше.

Смерть сравнить съ рожденіемъ младенца привело мнѣ на память рожденіе сына нашего Александра. Третьяго дни Богъ разрѣшилъ Екатерину Степановну. Слава тебѣ Го-

1842 г. споди! Законъ Божій: „и въ болѣзньхъ родиши чадъ своихъ“—тяготѣть на ней,—и вѣрно по грѣхамъ нашимъ,—кажется больше, нежели на прочемъ сѣмени жены. И теперь еще она очень, очень слаба, не можетъ почти пошевелиться сама. Кромѣ того лихорадка, жаръ, ну, просто не знаю, что и дѣлать. Самъ вотъ уже и не прилегалъ двое сутокъ. Дитя кричитъ, безпрестанно кричитъ, и день, и ночь. Бабка—дрянь—не умѣетъ даже дитя спеленать, и это тѣмъ досаднѣе, что самая лучшая, самая хваленая, и уважаемая цѣлымъ округомъ и жила у насъ еще до этого цѣлыхъ пять недѣль. Вотъ какъ мы ошиблись въ расчетѣ! А все самъ. Жалко, что безпрестаннымъ крикомъ мы безпокоимъ малютку, а ей бы очень, очень нуженъ покой. Что это за пресквернѣйшій тутъ народъ, особенно женщины — Боже упаси! Я плачу работницѣ 60 р. въ годъ. Все мое отъ ногъ до головы,—отъ чулка и башмака—до платка и юбки,—повѣрите ли, — дура душой, не умѣетъ ни борщу сварить, ни каши, ни даже хлѣба испечь? „Ни, каже, я нюмію“. А полъ вымыть, оборони Господи! Пьяницы, бестіи, всѣ распутныя, всѣ до одной. Ну, представьте, мамкѣ я бы теперь охотно, весьма охотно заплатилъ сто—даже до полутроста рублей; да нѣтъ! „Ни схочу“, да и баста! а схочетъ, такъ черезъ триждень (недѣлю) пидеть, или пидеть съ дитятей до шинка. Не знаю, каково-то намъ будетъ въ новомъ мѣстѣ? Если Богъ подастъ полегче малюткѣ, то недѣля черезъ двѣ надобно пуститься въ путь дороженьку къ новому мѣсту службы въ Таганрогъ. Не знаю, не помню, писалъ ли я о новомъ назначеніи своемъ къ сестрицѣ Надеждѣ Степановнѣ, — но помню, что я писалъ къ ней что-то много. Я назначенъ въ Кавказскій и Грузинскій резервные линейные баталіоны,—расположенные, какъ слышно, постоянно въ г. Таганрогѣ. Подивитесь же вотъ судьбѣ моей! Не Богъ ли посылаетъ для меня новый крестъ и искушеніе—даже этимъ назначеніемъ. Вотъ четвертый годъ, какъ я прошусь у оберъ-священника перевести меня въ какую-либо часть войска, только въ Россію? Не тутъ-то было! Не жалко, если бы ужъ не манили, не обѣщались; нѣтъ, всегда обѣщаютъ, всегда пишутъ, что непременно будетъ удовлетворено мое прошеніе при первомъ открывшемся случаѣ.—О, Петербургская политика!—Право, подумаешь судьба, какъ какой-нибудь ба-

ранъ круторогій, стоитъ мнѣ на пути къ сѣверу. Никакъ 1842 г
не перешагнешь за рубежь глупѣйшей хохландіи. Другому, такъ право—счастье. Чего и во снѣ ему не представлялось никогда—бываетъ! Это у насъ клеймится понятіемъ: „везеть“. Коль везетъ, такъ ужъ и тамъ растутъ и цвѣтутъ розы, гдѣ прежде была одна крапива. Теперь, мнѣ кажется, и подавно нельзя ожидать милостей отъ сѣвера, потому что я посчитался съ своимъ Кутневичемъ ¹⁾, кажется, на порядкахъ. Да и Богъ съ ними! Вѣчно возиться, таскаться, особенно по этимъ глупымъ резервамъ, право соскучилось. Кажется, дальше будущаго года, я служить не намѣренъ. Посмотрю, что будетъ въ новомъ мѣстѣ. Развѣ постараюсь еще отдать въ училище дѣтей своихъ, чтобъ имѣть въ этомъ небольшую выгодишку.

Да, я просилъ Надежду Степановну, не возьмется ли кто изъ нашихъ, взять на свое попеченіе дѣтей моихъ? Дать имъ, разумѣется, столъ, квартиру, въ свободное время заняться съ ними, присмотрѣть за ними, а они, между тѣмъ, будутъ ходить въ училище. Въ исправности платежа за это, по условію, я ручаюсь. Неужели нѣтъ никого охотниковъ, неужели у всѣхъ бездна дѣла, даже и у молодыхъ? Попросите, сдѣлайте одолженіе, высказать мнѣ объ этомъ всю правду. Я, право, надѣялся и ждалъ; это задерживаетъ и разстроиваетъ другіе мои планы.

Извините, любезная сестрица, что я по моимъ обстоятельствамъ, не могу много писать теперь. И голова, и руки, и ноги, теперь все занято.

Поклонитесь отъ насъ, сдѣлайте одолженіе, всѣмъ, кто насъ помнитъ. Отъ любезной сестрицы, Падежды Степановны, я уже давно, давно жду извѣстія. Василій Степанычъ вѣрно уже и писать разучился.

Поклонитесь отъ насъ новому сыну вашему Ив. Михайлычу. Дай Богъ, что бы онъ вамъ былъ—истинно — сынъ. Господи! Думали-ль вы, сестрица, быть такъ скоро, точно въ такихъ же отношеніяхъ, какъ покойные ваши родители?... На все воля Божія!“

Въ послѣднихъ числахъ августа еще разъ писалъ мнѣ изъ села Мальтиць П. С. Гирсамовъ:

¹⁾ Василиемъ Ивановичемъ, тогдашнимъ оберъ-священникомъ арміи и флотовъ († 1865 г. 26 апр.).

1842 г. „Извините меня, необходимость въ третій разъ заставляеть меня къ вамъ адресоваться. Въ другой, посланной мною къ вамъ, запискѣ, объяснилъ я, что изъ Пензы отъ брата моего Ѳедора Еммануиловича должно быть прислано въ этихъ числахъ на ваше имя письмо, въ отвѣтъ на мое письмо. Если оно уже прислано, то прошу передать его мнѣ въ Мальтицы съ подателемъ этой записки. Если придетъ оно гораздо позже, то прошу васъ прислать его мнѣ во Владиміръ, ибо 3 сентября я туда отправлюсь и проживу тамъ, можетъ быть, долго...

Я ожидалъ, что свѣтскій блескъ, который ослѣпилъ меня сначала въ здѣшнемъ домѣ, удовлетворитъ вполнѣ мои желанія, но эта мипура, показавъ свою малоцѣнность, начала отравлять мою душу горькою тоскою. Въ другомъ мѣстѣ свѣтъ можетъ быть долѣе производить пріятныя впечатлѣнія на сердце, но здѣсь онъ мнѣ опротивѣлъ, въ столь короткое время. Поэтому я сталъ просить у барина такого жалованья, которое впродъ платитъ мнѣ онъ отказывается. Итакъ, получивъ за мѣсяць требуемую плату, я отправлюсь во Владиміръ, гдѣ надѣюсь найти кондиціи. Если не найду, то у меня готова кондиція въ 5-ти верстахъ отъ родины. Я раскаиваюсь теперь, что не пошелъ, приглашаемый прежде, нежели сюда пріѣхалъ, на эту кондицію. Близъ дома, безъ сомнѣнія, я пошелъ-бы чѣмъ разсѣять скуку, которую здѣсь прогнать не въ состояніи.

Извините меня, въ другой разъ прошу, что я безпокою васъ разказомъ всего того, что у меня на сердцѣ. Право, здѣсь не съ кѣмъ побесѣдовать откровенно,— а это для меня несносно. Лучше, мнѣ кажется, жить въ бѣдности, но имѣть, съ кѣмъ-бы можно было раздѣлить всѣ душевныя движенія, нежели быть окруженнымъ мірскимъ блескомъ, и между тѣмъ подъ гнетомъ модныхъ приличій подавлять то, что просится изъ груди, и не видѣть ни въ комъ искренняго простосердечія. Въ таковыхъ обстоятельствахъ я весьма радъ, что нахожу въ васъ знаконца, если смѣю сказать, друга, которому безъ всякаго опасенія могу повѣрить свои мысли и чувства. Только прошу извинить, что эти мысли и чувства, по невозможности на долгое время уединять себя, я изливаю не заботясь о слогѣ и связи, и при томъ безъ аккуратности въ письмѣ“.

8-го сентября, день Рождества Пресвятыя Богородицы, 1842 г. храмовый праздникъ въ нашемъ соборѣ. Служеніе, по возможности, торжественное; множество богомольцевъ; у настоятеля послѣ обѣдни небольшая закуска для избранныхъ особъ: вотъ и вся исторія праздника.

15-го числа писалъ я въ Иваново къ роднымъ:

„Имѣемъ пріятный долгъ благодарить васъ за ваше ласковое, чисто родственное угощеніе. Но я съ своей стороны обязанъ тѣмъ болѣе благодарить васъ, что моя Аннушка остается крайне довольна вами, и вообще всѣми моими родными, — что для меня весьма пріятно. Теперь будемъ ожидать благопріятнаго времени видѣть васъ у себя, чтобъ не остаться намъ въ долгу. Надѣмся, что вы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, не откажетесь посѣтить насъ.

Путешествіе свое мы совершили, слава Богу, благополучно. Прибыли домой утромъ 2-го сентября. Здѣсь, въ наше отсутствіе, такъ же не произошло ничего для насъ непріятнаго.

Теперь жизнь наша течетъ опять своей обычной чередою. Не давно мы праздновали свой главный праздникъ — день Рождества Богородицы. У насъ праздники не такъ празднуются, какъ въ селахъ. Гостей не бываетъ никого. Можетъ быть потому, что у насъ каждый день бываетъ праздникъ“.

Не могу не помѣстить здѣсь сохранившагося у меня между бумагами интереснаго письма помянутаго выше священника В. П. Вознесенскаго къ старшей сестрѣ моей тещи, Надеждѣ Степановнѣ Аменицкой. Вотъ что писалъ онъ ей изъ Таганрога отъ 4-го октября:

„Вотъ мы и въ Таганрогѣ! И не опомнюсь еще, куда судьба занесла меня? Городъ, правда, большой, красивый, съ гаванью, какъ, бывало, твердили мы за изрѣзанной партой; разгуляться есть гдѣ: — да—ба! или бы тату мидъ—да ба! говорятъ хохлы. Провались всѣ эти приморскіе города! въ пахъ привольно съ большимъ — мало съ большимъ — огромнымъ карманомъ. Мы сами думали: вотъ тамъ—то проживемъ, а выходитъ не такъ. Надежды, вѣрно, всѣ обманчивы въ мірѣ. Мы попали, просто, изъ огня въ полымя, или изъ ямы въ омутъ. Здѣсь такая дороговизна—приступу нѣтъ. Не знаю, какъ Богъ сподобитъ прокоротать хоть

1842 г. эту зиму. Дрова рублей до ста саженъ, объ нихъ и думать нечего;—а не угодно-ли согрѣваться соломкой, бурьяномъ?—но и за нихъ надобно платить рублей 15—20-ть за возокъ, не говорю за возъ. Самый навозъ, съ позволенія сказать, который то-же здѣсь въ большомъ употребленіи, платится рублей 25-ть за тысячу. Его выдѣлываютъ здѣсь съ примѣсю земли въ видѣ кирпича и употребляютъ для печей. Воду покунаютъ версты за три отъ города, въ колодцѣ по рублю бочку иль по 5-ти копѣекъ ведро. Хлѣбъ и всѣ жизненные припасы гораздо дороже обѣихъ столицъ. Если на мысль взбредеть покупать телятинки—не угодно-ли заплатить гривенъ по шести фунтикъ.—Правда, много бываетъ рыбы, осетровъ, стерлядей, севрюги; теперь мы ею живемъ и движемся, платимъ копѣекъ по 12-ти или по 14-ти фунтъ—живьемъ; но пройдетъ пора—и то, что покуналось по 5-ти копѣекъ фунтъ, повѣрите-ли, надобно платить по рублю. Таковъ Таганрогъ! А — заpastись нашему брату—бобылю, въ буквальномъ смыслѣ—движущемуся, нѣтъ никакой возможности. Мы не возимъ съ собой ни погребовъ, ни кадушекъ—а кадушечка здѣсь ведра въ два—въ три, рублей 10—11-ть. Мое почтеніе! Здѣсь, развѣ, только нужно снѣшить лакомиться арбузами, которые славятся во всей Украинѣ. Я купилъ ихъ недавно три воза, штукъ 600 огромныхъ за два цѣлковыхъ: по крайней мѣрѣ подспорье водѣ, надъ которою теперь дрожимъ мы, какъ надъ какимъ-нибудь нектаромъ. Господи! чего-то судьба не приводила испытать насъ. Шельмовская служба! какъ говаривалъ, бывало, одинъ нашъ докторъ—землякъ. Вѣдь водить-же по такимъ закоулкамъ. Курочекъ, цыплятокъ, индѣекъ, къ которымъ было уже такъ привыкъ нашъ гастрономическій департаментъ, и которыхъ мы прежде имѣли почти за ничто: нѣтъ, здѣсь имъ откланяйтесь; въ Таганрогъ опи въ большей чести и славѣ, чѣмъ Римскіе гуси, что спасли капитолій. Проклятый народъ—эти негоціанты—эта вся чурмазая дрянь, начиная отъ Архипелага до Рейна! Бросаетъ деньги ни почемъ. Намъ бѣднякамъ приходится частенько поститься изъ-за ихъ милости, изъ-за этихъ варваровъ—пришельцевъ.

Квартиру отвели мнѣ здѣсь, правда, довольно порядочную; четыре комнаты съ паркетными полами: но далеко

отъ центра города, на берегу самаго моря, такъ что 1842 г. взбрызги его едва-едва не достаютъ до самыхъ оконъ. Этотъ сосѣдъ то-же не слишкомъ пріятель. Онъ дышетъ чрезвычайно не здорово: у него не зѣвай;—надобно быть всегда на сторожѣ; иначе придется поплатиться дорого. Это неприятно: тѣмъ болѣе, что здоровье мое стало какъ-то хиловато. Да, ужь Господи! хоть-бы море-то было, какъ море, а то, просто, лужа въ сравненіи съ Чернымъ, которымъ мы такъ много любовались съ Севастополѣ. По этой лужѣ бродить-бы только курамъ: такъ нѣтъ вишь, лукаво тоже, бурлитъ по временамъ. Поди, суди по рождѣ-то. Наружность, вѣрно, всегда бываетъ обманчива. А всего неприятнѣе то, что до лазарета и до базара версты двѣ: прошу прогуливаться; измучился, какъ бестія!—А еще неприятнѣе... такъ это сосѣдство съ Кавказомъ... Насъ судьба какъ—то все поближе подвигаетъ туда; какъ бы совсѣмъ не турнула? Катерина Степановна этого чрезвычайно боится— а потому на слѣдующее лѣто, если Богъ дастъ здоровье, мы замышляемъ оставить вовсе службу. Да и въ самомъ дѣлѣ Богъ съ ней! будетъ, потаскались: пора и къ берегу. Десять лѣтъ вѣдь не шутка: по неволѣ посѣдѣешь. Лбомъ стѣны не прошибешь. Что служить, чего добиваться, когда явнымъ образомъ не везетъ? Вѣдь тому хорошо служить, у кого летаетъ передъ взоромъ вереница надеждъ, кому будущее представляется въ самыхъ радужныхъ переливахъ; у кого есть кому похлопотать, полазить, а у насъ?... Я бобыль на бѣломъ свѣтѣ!! Личныя достоинства нынѣ скорѣе упизать, затончуть, нежели дадутъ ходъ и выставятъ на показъ. Повѣрьте—это правда, это аксіома въ 19-вѣкѣ.—Что дѣлать, надо всего отвѣдать,—отпробовать всѣ стороны жизни и—тогда на вѣчный покой—на постоянныя квартиры. Порыскали, поглазѣли на свѣтъ и людей—надобно пожить и въ деревнѣ, поглотать черстваго хлѣба. Да и въ самомъ дѣлѣ, заняться нужно и дѣтьми—я ихъ, кажется, много, много запустилъ съ этими болѣзнями и съ этими переводами и переѣздами!.. Правда, признаюсь, я бы самъ себѣ проложилъ дорожку, но Катерина Степановна?... Вотъ занятая!... Тутъ ничего не сдѣлаешь. Никакіе доводы не помогутъ. Слѣдовательно,

1842 г. надобно повиноваться. Семейный человекъ долженъ жить не одною своею волею: хотя это и не къ лучшему.

Дальше: прислугу здѣсь нанять — тоже — бѣда! рублей двѣсти въ годъ надобно заплатить какой-нибудь паршивой дѣвчонкѣ, которая едва-едва въ состояніи подмести вамъ комнату. Да и то съ большими условіями: чтобъ былъ для нея непремѣнно чай по утру и кофе въ вечеру. Каково?! Здѣсь такъ. Здѣсь всё на барскую ногу. Иной нужники чистить, — а чашка кофею для него нужна, какъ азотъ и кислородъ для жизни, для дыханія, какъ хлѣбъ насущный. Платье выстирать эта наемка не сдумѣтъ, надобно нанять другую, платить по 1 р. 20-ти копѣекъ въ день — лѣтомъ, — и два рубли зимой. Ъсть сварить ее тоже не заставляйте — она сдумѣтъ развѣ только съѣсть. Мы живемъ теперь только съ двумя москалями. Нужда выучить калачи ѣсть. Эта мудрая пословица осуществляется для насъ здѣсь въ полномъ смыслѣ. По невозможности печь, мы покушаемъ булки съ базара и на 80-тъ копѣекъ въ день намъ не хватаетъ. Вотъ бы гдѣ нужно подіетничать — такъ нѣтъ; здѣсь-то и ѣтся больше. Право!...

Церковь отвели мнѣ въ греческомъ Іерусалимскомъ монастырѣ. Іерусалимскимъ называется онъ потому, что зависить отъ Іерусалимскаго патріарха. Въ немъ только одинъ архимандритъ, два іеромонаха и одинъ іеродіаконъ — всё, разумѣется, греки. Въ этомъ монастырѣ стояло шесть недѣль тѣло покойнаго Государя, и два раза въ день ѣздила сюда покойная Императрица для службы панихиды. Мнѣ отвели тотъ самый Александр-невскій престоль, надъ которымъ и до днесь балдахинъ со всѣми эмблемами и украшеніями, балдахинъ, осѣнявшій катафалкъ Александра. Въ первый разъ служилъ я почти по гречески. Дьяконъ-грекъ весьма мало знаетъ по русски. Апостоль читался по русски; на клиросахъ: на одномъ по русски, на другомъ по гречески. Потѣха! но да восхвалятъ Господа вси языцы!

Вы, можетъ, захотите знать, каковъ былъ вояжъ мой изъ Лебедина, до Таганрога? — Поэтическаго мало. Ъзжали-ли вы когда-нибудь, чтобы стахъ на двухъ верстахъ не встрѣтить ни одного порядочнаго человѣческаго жилья, въ которомъ-бы можно укрыться отъ бурь и непогодъ и дать покой расстрясеннымъ костюмъ своимъ? Въ Екатеринославской

губерніи—въ краю стеней и выюгъ, вы это встрѣтите—и 1842 г. признаюсь, не порадуетесь. Здѣсь развѣ можно встрѣтить кое гдѣ разбросанные—такъ называемые — трактиры—грязные, отъ которыхъ за полверсты нахнетъ гнилью и водкой, въ которыхъ ни ѣсть, ни пить не достанешь и въ которыхъ промотавшійся казакъ деретъ съ васъ въ десятеро, за то, что вы-же сдѣлали ему честь угостили его блохъ и мышей на славу. Ихъ у него всегда цѣлые рои—онъ, по-видимому, морить ихъ голодомъ, чтобы дать за то полный пиръ на шерамыжку, на счетъ проѣзжающихъ. Хитрый народъ эти донцы: но все въ 10-ть, въ 100, въ тысячу разъ благороднѣе поганого хохла. За то здѣсь греки-единовѣрцы наши — ну просто, мое почтеніе. Не даромъ говорятъ— по неволѣ повѣришь, что изъ семи жидовъ вытапливается одинъ грекъ.

Впрочемъ, мы ѣхали съ своей походной музыкой — съ трехъ-недѣльнымъ сыномъ Александромъ! Богъ послалъ намъ его 9-го августа въ 5-мъ часу пополудни, въ самую ужасную грозу. Грозный, правда, даже больно грозный; не знаемъ какъ и быть и сладить съ нимъ. 1-го сентября пустились уже въ путь. Саша въ дорогѣ былъ еще довольно покоснѣ—коляска у меня для дороги славная, съ фордекомъ со стеклами, какъ въ комнатѣ. Тамъ и перевивали все: но теперъ, бѣдный, что-то захирѣлъ. Это можетъ отъ того, что мамку вывезли мы изъ Лебедина такую дрянъ — мочи нѣтъ! Глуна, дурна, неповоротлива, ну просто пень, колода, бревно, тупица, обухъ въ человѣческомъ образѣ. Не знаю какъ быть дальше. На рожкѣ же здѣсь — и подумать нельзя.

Какъ встрѣтили меня здѣсь свои? Новое стадо мое? Отраднago мало! да и ожидать нельзя—резервы. Ничего нѣтъ сквернѣе, какъ перемѣна мѣста. Новыя все лица: не знаешь ихъ ни обыкновеній, ни образа мыслей; равно и они смотрятъ на тебя, какъ на оборотня. Долго не приладишься; а иногда одна неумѣстная выходка, одинъ маленькій капризецъ, повлечетъ за собой большія слѣдствія и на долго.

Здѣсь долго меня ждали. Признаться, я много просрочилъ, мѣсяца три прожилъ въ Лебединѣ.

Но я имѣлъ законныя причины: а самая законнѣйшая

1842 г. была та, что мнѣ чрезвычайно не хотѣлось ѣхать въ эти проклятыя резервы. Я долго спорилъ, отговаривался, даже доходило дѣло чуть не до ругани съ оберъ-священникомъ — и все думалъ отливять какъ нибуду; да нѣтъ! Вѣрно Богу не угодно было еще сблизить меня съ вами. А можетъ быть этими неудачами, Провидѣніе видимо отвлекаетъ меня отъ этого рода службы. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь и послѣдніе штанишки проживешь. Я имѣлъ дерзость напомнить даже Кутневичу, что онъ не господинъ своему слову, что онъ водить меня вотъ уже 4-й годъ одними обѣщаніями. Но онъ, какъ Пилать: „еже писахъ—писахъ“, — говоритъ: не понравится—тогда можешь проситься, а теперь, вишь, мѣсть у него нѣтъ тамъ, гдѣ мнѣ хочется.

Да!—такъ пріѣхавши сюда при первой встрѣчѣ съ генераломъ у насъ что-то пошло и искривъ и вкось. Онъ по неостереженію напомнить мнѣ, что я долго просрочилъ, что будто-бы хотѣлъ меня представить къ выключкѣ. Видите, сестрица, тяжела подобная пища для щекотливаго самолюбія: желудокъ мой не переварилъ ее. Я съ своей стороны отблагодарилъ генерала, объяснилъ ему „что онъ весьма большое сдѣлалъ-бы для меня одолженіе, еслибъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе; что мнѣ такъ не хотѣлось въ эти несчастныя резервы.—Я всѣми силами отговаривался у своего начальства, что я почитаю для себя величайшимъ несчастіемъ этотъ переводъ, что онъ своимъ представленіемъ помогъ-бы мнѣ достигнуть моихъ цѣлей“. — Замолчалъ. А кажется, паренъ не глухой. Другой разъ. У него обыкновеніе докладывать о приходящихъ, а ногому приходится иногда подождать въ залѣ и долговко. Такъ было и со мной;—но я, подождавши минутъ десять—дай Богъ ноги: схвати въ охапку кушакъ и шанку,—безъ памяти домой. Признаюсь, со мной этого не случилось еще въ продолженіе всей моей службы. Послѣ, когда онъ попросилъ меня къ себѣ чрезъ человѣка, его превосходительству доложили, что священникъ ушелъ. Если не фафлыга, долженъ же принять все эти вѣщи въ соображеніе. А у меня ужъ такъ печь печеть, такой характеръ, что никакъ ужъ не соглашусь пойти еще, пока не пригласятъ.

Про офицеровъ и говорить нечего—резервы. Впрочемъ, я ихъ и не знаю. Полковникъ, говорятъ, скрягъ ужаснѣй-

шая: воплощенный жидъ! Вѣрно къ нашему берегу ничего 1842 г.
не приплыветъ хорошаго. Сверхъ всего этого, самолюбивъ,
какъ свинья, и гордъ, какъ индѣйскій цѣтухъ, и глупъ,
кажется, какъ моська. — Впрочемъ, я самъ совершенно не
разучилъ еще: проявляются черты похожія и на человѣче-
скія. За то жена? жена? о! бой баба,—молодецъ! Онъ съ
ней далеко уѣдетъ. Ему бы, кажется, никогда не бывать
и подполковникомъ, еслибъ не его супруга.

Видите, сестрица, въ какія я мелочи пустился, какъ
мнѣ хочется побольше поговорить, побесѣдовать съ вами.
Я готовъ бы цѣлый мѣсяць не оторваться отъ пера; да
дѣла — дѣла — кучи, хлопочу, какъ угорѣлый. Хочется и
квартиру перемѣнить и то и се, нѣтъ ни церковниковъ, ни
прислуги женской—усталъ, какъ бестія. Отъ меня до ба-
зара—слишкомъ версты двѣ, прошу промаршировать каж-
дый день! Насилу, сестрица, собрался написать кое-что и
вамъ—и то ущипками, урывками. не знаю, право, что и
написалъ. До сихъ поръ не былъ еще во дворцѣ.—Вѣрно,
круто—не до дворца! Въ добавокъ замѣтить надобно, что
у меня въ дорогѣ деньщикъ, бестія, бѣжалъ. Недавно по-
лучили бумагу, что его шлютъ по пересылкѣ и надобно
еще платить за каналью кормовые. Бѣда со всѣхъ сто-
ронеъ.—Но простите, любезная сестрица, всего вдругъ не на-
пишешь. Обѣщаю продолженіе впередъ. Катерина Степановна
возится съ своимъ Александромъ. Охъ! Какъ беспокоитъ
онъ ее. Пришла и ей служба! Всѣмъ сестрамъ—по серь-
гамъ.—Отъ души, съ братскою преданностію любящій братъ
вашъ священникъ Василій Вознесенскій. Октября 4-го дня
1842 года. Таган-рогъ“.

17-го октября получилъ я укоризненное посланіе отъ
своего школьнаго товарища и друга, о. Граменницкаго.
Онъ писалъ мнѣ отъ 6-го числа:

„Давно, другъ, не слышу о васъ прямой вѣсти. Зимой
послалъ къ вамъ по почтѣ письмо, которое, надѣюсь, вы
получили; но отвѣта на оно не услышать меня не удостоили.
До сихъ поръ все жду отъ васъ дружественнаго извѣстія,
но тщетно. Чему приписать это? Не знаю. Вашей забыв-
чивости прежняго дружества и прежнихъ обѣтовъ? Но, пред-
ставляя васъ человѣка благороднаго и строгаго въ испол-
неніи своихъ обѣщаній, не смѣю думать, что бы вы со-

1842 г. совершенно забыли того, съ кѣмъ 6 лѣтъ взаимно дѣлились искренними мыслями и чувствами,—не смѣю думать, чтобы вы были нарушителемъ вашихъ словъ. Множеству хлопотъ и безпокойствъ вашихъ по должности? По все-таки бы могли вы найти 5 минутъ свободы и начертить полторы строки въ знакъ памяти прежнихъ отношеній нашихъ. Отъ чего бы то ни происходило ваше молчаніе, но я, судя по своему сердцу, которое часто воспламеняется пріятнымъ воспоминаніемъ о прежнемъ минувшемъ, часто стремится излить свои чувствованія къ прежнему искреннему ближнему, не думаю и объ васъ, чтобы ваше молчаніе происходило отъ охлажденія или перемѣны сордечной, не думаю, чтобы для васъ не было не пріятно побесѣдовать хотя письменно съ однимъ изъ собесѣдниковъ малыхъ. Съ чего же начать съ вами бесѣдовать? Чрезъ столь долгое время, не объясняясь съ вами, почти не знаю что и сказать сначала. Кажется писалъ я вамъ предъ великимъ постомъ, такъ хотя кратко и начну съ тѣхъ поръ. Обыкновенно въ святую четыредесятницу только и было, что возраждать покаяніемъ и евхаристіею духовныхъ чадъ своихъ. Во время свѣтлыя седмицы тоже, думаю, извѣстна моя работа—славословить въ приходскихъ домахъ, воскресшаго изъ мертвыхъ, Спасителя. Послѣ Пасхи ѣздилъ на родину и въ это время сгорѣлъ погостъ Шикологорскій, слѣдовательно и моя родные; жалкое представленіе! Далѣе, всю весну ходилъ въ приходскія деревни съ образами—въ праздники по нашему обыкновенію, потомъ съ Троицкими молебнами: ибо живоначальныя Троицы у насъ храмъ. За симъ что слѣдуетъ? Слѣдуетъ дѣло великое: Петровскій мой сборъ по приходу,—и чѣмъ же? Сметаню. Ахъ, другъ, какъ низко, какъ смѣшно: и дѣлать нечего, долженъ повиноваться обыкновенію; да еще спасибо около сихъ штукъ хлопочеть по большей части мой престарѣлый дѣдушка. Послѣ сего, набравши оной пуда на 2 масла, принялся за сѣнокосъ, и по причинѣ частыхъ дождей возился съ нимъ до половины августа, а тутъ уборка ржаного и ярого хлѣба и все дѣло за дѣломъ, — некогда посидѣть на мѣстѣ; хотя все работается помочами, но и самъ отъ хлопотъ не избавишься—во всякомъ мѣстѣ потребенъ присмотръ собственный. И такимъ образомъ время-то шло, да шло да пришло поцѣ бокъ къ

празднику Воздвиженія честнаго креста.—Это нашъ корен- 1842 г.
ный храмъ. Ярмарка въ нашемъ селѣ была богатая по
сельски; человекъ до 14 у меня было гостей.

Какое веселіе и торжество бываетъ въ селахъ о празд-
никѣ, вамъ сказывать нечего; только развѣ сказать то,
что ваше село какъ состоитъ изъ однихъ священноцерков-
нослужителей, то и веселіе ликующихъ не ограничивается
опасніемъ пересудовъ и переговоровъ. Особенно дьячки свои
и пріѣзжіе всю ночь не дадутъ уснуть: то, смотришь, приве-
дутъ въ домъ медвѣдя, то появятся какіе-то въ шлемахъ и шипа-
кахъ испанцы, то идетъ толпа комедіантовъ; да что и го-
ворить, однимъ словомъ, нашъ праздникъ—городскіе святки.

Я теперь смотрю за молотильщиками, сыплю въ амбаръ
хлѣбъ; вечерами иногда кое-что почитываю. Если вы, ми-
лый, остаетесь ко мнѣ все съ тѣмъ-же сердцемъ, какъ и
прежде: такъ не облѣнитесь такъ же съ своей стороны
сообщить извѣстіе о себѣ и о часто представляемомъ мною
Муромѣ; это будетъ вѣрный знакъ вашей неизмѣняемости.
Очень бы пріятно было повидѣться съ вами лично,—пого-
ворить поискреннѣе, но вѣрно такъ и быть. Не знаю,
удастся-ли намъ когда-либо увидѣть другъ друга въ этой
жизни? А очень бы хотѣлось!... Какъ ваше училище? Кто
учителя? Существуетъ-ли кто изъ тѣхъ, подъ вліяніемъ
коихъ началась образовываться умственная сила души моей?
Да сохранить ихъ Господь!“...

22-го ноября посѣтилъ меня на нѣсколько часовъ Вла-
димірскій губернскій землемѣръ М. А. Аверкіевъ — тотъ
родственникъ, у котораго я не рѣдко бывалъ по вечерамъ,
во время семинарскаго ученія.

У меня былъ полный списокъ русскаго перевода свящ.
книгъ В. Завѣта, сдѣланнаго протоіереемъ Павскимъ и
отлиотографированнаго студентами Петербургской дух. ака-
деміи. Объ этомъ зналъ смотритель Муромскаго училища,
іеромонахъ Нифонтъ. 22-го ноября Нифонтъ попросилъ у
меня будто бы для прочтенія эту рукопись. Ничего не по-
дозрѣвая, я охотно исполнилъ просьбу почтеннаго смотри-
теля. Но проходитъ довольно времени, и я рѣшился на-
помнить своему начальнику о возвращенія взятой у меня
имъ рукописи: но онъ въ отвѣтъ на это выразилъ мнѣ
сожалѣніе, что рукопись не можетъ быть мнѣ возвращена

1843 г. и что ее даже и нѣтъ у него. Послѣ я узнаю, что это былъ запрещенный плодъ и что всѣ экземпляры перевода свящ. книгъ, какъ литографированные, такъ и рукописные у кого-бы они ни были, отбирались и доставлялись въ Св. Синодъ.

Въ настоящее время, это дѣло, возбужденное бакалавромъ по классу Св. Писанія въ Московской дух. академіи, іеромонахомъ Агаѳангеломъ (впослѣдствіи архіепископомъ Волынскимъ, † марта 8 дня 1876-го года) и надѣлавшее столько шуму, вполне раскрыто и оглашено въ печати. Исторія этого дѣла обстоятельно изложена въ книгѣ П. А. Чистовича: „Исторія перевода Библии на русскій языкъ“, ч. 1. стр. 169 и сл., Спб. 1875 года ¹⁾.

Приблизился торжественный праздникъ Рождества Христова. По общему обычаю, послѣ литургіи мы отправились всѣмъ соборомъ, подъ предводительствомъ настоятеля, по городу, на даровомъ экипажѣ соборнаго старосты, съ крестомъ славить Христа. Мы посѣщали дома только нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ гражданъ. Такъ какъ о. протоіерей Тропольскій пользовался общимъ уваженіемъ въ городѣ, то насъ вездѣ принимали внимательно и почтительно. Подобное путешествіе по городу повторилось въ день Крещенія Господня, но уже безъ участія настоятеля.

Новый годъ встрѣтилъ я съ добрыми и пріятными надеждами на будущее, которыя отчасти и исполнились.

11-го января писалъ я въ Горлицы къ роднымъ:

„Имѣю честь поздравить васъ съ новымъ годомъ. Чего могу пожелать вамъ въ грядущемъ лѣтѣ? Разумѣется всего, чего только можетъ желать сердце, истинно любящее и почитающее васъ. Будьте здоровы, благополучны, а болѣе всего спокойны духомъ. По привѣтствуя съ новымъ годомъ, общимъ для всѣхъ, пріятнымъ долгомъ считаю поздравить васъ съ наступленіемъ новаго года собственно для васъ. Я разумѣю дни вашихъ именинъ. Не имѣя удовольствія

¹⁾ Краткія объ этомъ событіи свѣдѣнія и два письма по этому дѣлу митр. Ссрафима къ Оберъ-Прокурору Св. Синода графу П. А. Протасову см. въ *Русск. Арх.* за 1878 г., ч. 3, стр. 516 и 522—524. — Еще „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета м. Моск., по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ“, т. III, №№ 264, 265 и др., Спб., 1885 г.

присутствовать тѣломъ, имѣю полную возможность раздѣ- 1843 г
 лить съ вами семейное торжество духомъ. Очень радъ, что
 теперь наступила моя черда служенія;—и я ничѣмъ болѣе
 не могу доказать вамъ своего усердія, какъ принесеніемъ
 въ эти дни о вашемъ здравіи безкровной жертвы Богу,
 хотя и всегда почитаю это необходимою обязанностію. По
 день вашего ангела, тетинька, во всю жизнь будетъ для
 меня такимъ-же торжествомъ, какъ и для васъ. Это день
 новолѣтія моей брачной жизни. Да!... вотъ совершился
 уже годъ и моей супружеской жизни. Чудное дѣло, какъ
 быстро течетъ время... Но благодареніе Всевышнему! годъ
 сей прошелъ для меня сколь быстро, столь же и благо-
 получно.

Извините, не много запоздалъ своимъ привѣтствіемъ.
 Причиною сего не почитите мое равнодушіе. Нѣтъ, виною
 этого, повѣрьте, стеченіе смутныхъ обстоятельствъ, какими
 обыкновенно сопровождаются для всѣхъ, особенно для го-
 родскихъ жителей, русскіе святки. То славили Христа нѣ-
 сколько дней безъ отдыха,—то годовичные отчеты по собору
 и училищу,—то родственныя компаніи,—то наконецъ бро-
 дили опять по городу со святой водой. Все это не позво-
 ляло мнѣ свободно заняться собесѣдованіемъ съ вами. Вотъ
 теперь на свободѣ готовъ пересказать вамъ все, что про-
 исходило со мною въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ. Се-
 мейная и общественная жизнь моя доселѣ идетъ, слава
 Богу, мирно и спокойно. — Мало по малу началъ распро-
 страняться кругъ моего знакомства въ Муромѣ. Не поду-
 майте, что это знакомство стѣбитъ для меня лишннихъ издер-
 жекъ. Нимало; напротивъ, доставляетъ еще мнѣ выгоды.
 Такъ, наприимѣръ, я познакомился съ однимъ, недавно къ
 намъ пріѣхавшимъ, господиномъ; но это знакомство огра-
 ничивается лишь тѣмъ, что я учу у него сына,—и за то
 получаю довольную плату. Случайно познакомился еще съ
 окружнымъ начальникомъ, который также не очень давно
 живетъ въ Муромѣ. Этотъ изъявилъ желаніе быть у меня
 въ духовничествѣ. Прежнія знакомства болѣе и болѣе укрѣп-
 ляются.

Каково-то вы поживаете? Съ тѣхъ поръ, какъ разстался
 съ вами, ровно ничего не знаю о вашемъ положеніи. А это
 крайне непріятно для меня. Хоть-бы одинъ человекъ встрѣ-

1843 г. тился съ родной стороны... Но я ласкаю себя надеждою слышать повѣсть о вашей жизни изъ собственныхъ вашихъ устъ. Мнѣ сказывали, будто о. Василій Васильевичъ (Сапоровскій) намѣренъ нынѣшней зимой побывать въ Муромѣ. Если это правда, — то надѣюсь, что и вы благоволите удовлетворить моей усерднѣйшей просьбѣ—посѣтить меня въ отдаленіи отъ всѣхъ родныхъ. Исключая слабости здоровья, ничто другое, кажется, не можетъ быть справедливымъ предлогомъ къ отверженію моей просьбы. Итакъ, позвольте надѣяться видѣть васъ у себя“.

Черезъ недѣлю, а именно 19-го числа, писалъ я и къ Ивановскимъ роднымъ, поздравляя ихъ съ новымъ годомъ и извѣщая ихъ о своихъ домашнихъ обстоятельствахъ; между прочимъ, увѣдомлялъ о неожиданномъ посѣщеніи меня, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, дядею Михайломъ Аверкіевичемъ Аверкиевымъ.

17-го февраля писалъ мнѣ изъ Абакумова вѣрный другъ о. Граменицкій.

„Давно и именно отъ 18-го декабря лежитъ въ моемъ комодѣ и очень нерѣдко, какъ что-то пріятное и близкое сердцу, обращается въ рукахъ,—вашъ вѣрный залогъ нерушимаго дружества—искренне—подробное ваше увѣдомленіе. Вижу, милый другъ, вы по всему правы, и не имѣю ни малѣйшей причины думать что-либо невыгодное касательно нашего дружества. Какое восхищеніе, какую радость принесло мнѣ письмо ваше, объ этомъ узнаете вы изъ тѣхъ обстоятельствъ, когда я его получилъ и какъ читалъ. Прежде несправедливо упрекая васъ въ мнимомъ молчаніи, теперь твердо увѣренъ, что и самъ подвергся тѣмъ же упрекамъ за молчаніе дѣйствительное въ вашихъ мысляхъ. Да, другъ, давно-бы слѣдовало мнѣ принести вамъ благодарность за трехъ —поллистовой даръ вашего дружескаго сердца, и успокоить васъ, что этотъ даръ, есть залогъ непоколебимой вѣрности въ рукахъ моихъ. Съ этой стороны, если есть ваше негодованіе (не быть нельзя), оно справедливо, — я виновать!

И я васъ прежде считалъ, такъ же нѣсколько виноватымъ, но когда прочелъ письмо ваше, вы оказались предомною совершенно правы; позвольте же, милый, и мнѣ оправдаться предъ вами въ своей медленности; я увѣренъ, что

вы, узнавши и обсудивши все, меня великодушно извините. 1843 г
Итакъ, извольте слушать всѣ мои обстоятельства, въ кото-
рыхъ я находился съ тѣхъ поръ, какъ послалъ къ вамъ
въ октябрѣ письмо—доселѣ,—въ сихъ обстоятельствахъ
вы увидите и мое овраданіе.

Осенью я хлопоталъ все кое—что кругъ дому и въ при-
ходѣ. Въ декабрѣ и именно на другой день Николая Чу-
дотворца, въ самый жестокой по нынѣшней зимѣ морозъ,—
отправился въ Москву къ своимъ родственникамъ. Что было,
и что видѣлъ въ Москвѣ, объ этомъ рассказывать вамъ
не станетъ ни моей памяти, ни силъ, ни терпѣнія. Москва!
это—вмѣстилище различныхъ націй изъ всѣхъ почти госу-
дарствъ, различныхъ товаровъ и вещей иностранныхъ и
русскихъ. Сколько тутъ строеній, сколько великолѣпныхъ
зданій, сколько дорогъ и улицъ; какое пространство! а
священный кремль! Сколько тутъ любопытнаго, сколько
милаго найдетъ согрѣтое патріотизмомъ русское сердце!
Былъ я, другъ, и на великомъ Иванѣ, и достоинъ такого
наименованія, — подлинно великій; какая высота, какой
звонъ! однихъ колоколовъ 31. Какое великолѣпное зрѣлище
представляетъ наша—матушка Москва, когда смотришь на
нее съ колокольни Ивана великаго! это едва-едва обозри-
мая степь, усѣянная Божиими храмами, испещренная раз-
личными зданіями и строениями;—это море волнящееся
постоянно идущими и ѣдущими по разнымъ направленіямъ
людьми разныхъ сословій и званій. А въ соборахъ сколько
святыхъ! Сколько нетлѣнныхъ останковъ святыхъ угодни-
ковъ Божіихъ! Сколько безмолвно-краснорѣчивыхъ гробницъ
князей и царей Россійскихъ! Жалѣю, что пожилъ я тамъ
одну только недѣлю, (а въ недѣлю удалось на своей буркѣ
не одинъ разъ перекрестить Москву почти изъ конца въ
конецъ), желалъ-бы нажитья тамъ до сыта—вполнѣ удов-
летворить своему любознанію. Совѣтую и вамъ, милый
другъ, въ свободное время посвятить недѣльки двѣ на
прогулку въ Москву,—знаю, вапъ пылливый, любозна-
тельный духъ много найдетъ тамъ для себя пріятной пищи,—
а взадъ и впередъ перенуте мое,—тутъ и вѣрный случай
можетъ быть къ первому и послѣднему свиданію въ жизни.
16-го числа декабря возвратился я въ домъ. 18-го числа
того-же мѣсяца подають мнѣ. присланное съ нашимъ мо-

1843 г. лодымъ священникомъ, возвратившимся изъ Владиміра, — пріятнѣйшее письмо ваше, — съ петербѣнїемъ разламываю печать хочу читать, — и препятствіе! Зовуть въ приходъ напутствовать св. тайнами отчаянно болящаго; дѣлать нечего — медлить нельзя; сажусь въ сани, развертываю письмо, и отъ самаго села вплоть до деревни, не смотря на стужу, нѣсколько разъ перечитываю письмо ваше, — такъ что и самъ мужикъ — извощикъ нѣсколько разъ изъ сожалѣнія говорилъ: „Батюшка, у те руки-то иззябли“... Послѣ этого мой первый долгъ былъ послать къ вамъ съ первою почтою отвѣтственное письмо; — но обстоятельства одно непреодолїмѣе другаго съ самаго того времени доселѣ не давали мнѣ быть празднымъ ни одной минуты. До Рождества Христова и день и ночь исключительно писалъ метрики (ибо мой годъ былъ). Во время святокъ по днямъ славиль, а по ночамъ писалъ клировыя вѣдомости, — мученіе! Послѣ новаго года изъ приходорасходныхъ книгъ извлекалъ свѣчныя и денежныя вѣдомости, и составлялъ прочіе церковные документы, послѣ Крещенія ѣздилъ въ консисторію — отвѣчать метрики.

Еще что сказать вамъ? семейство мое безъ приращенія и убавленія все то же; дѣтей, происшедшихъ на свѣтъ, еще не имѣю. Приближается св. Четырдесятница, время самое трудное для меня изъ всего года, какъ для силъ тѣлесныхъ, такъ для немощствующей собственными грѣхами окаянной души моей. Вы, имѣя стадо словесныхъ овецъ, состоящее только изъ двухъ или трехъ человѣкъ, при томъ образованныхъ, — понимающихъ очель ясно христіанскія обязанности, въздыхаете и скорбите подъ тяжестію должности пастыря: что-же долженъ дѣлать я — недостойный пастырь словеснаго стада, состоящаго изъ 2,000 человѣкъ такихъ, которые по духовной сторонѣ не могутъ отличить криваго отъ прямаго? Станетъ-ли силъ моихъ — многихъ блуждающихъ по дебрямъ раскола, по пропастямъ суевѣрій, разсѣянныхъ по пустынямъ разныхъ козлогласованій, увлекающихся всякимъ вѣтромъ лжеученій, — овецъ моихъ обратить и привести въ единое стадо Христово, — воодушевить пламенную любовь къ своему Искупителю? Тренещу, окаянный, того дне, когда кровь расточенныхъ и похищенныхъ волками овецъ възыщется Господомъ Богомъ отъ рукъ моихъ! А о соб-

ственнымъ растлѣнномъ существѣ, не смотря на то, что оно облечено благодатію священства—постоянно стремящемся къ низкимъ удовольствіямъ, чувственности,—и говоритъ нечего, постоянно *вижду ннѣ законъ во удыхъ противовоющъ закону ума и плтняющъ мя закономъ грѣховнымъ сущимъ во удыхъ моихъ*. Единственная моя просьба—не забывайте мое недостоинство въ молитвахъ во время принесенія безкровной жертвы.

Частыя письменныя сношенія особенно для васъ, другъ, знаю не совсѣмъ-то возможны,—какъ по постоянной почти должности учителя, такъ по прочимъ обязанностямъ. Вотъ мое предложеніе: если съ кѣмъ-либо изъ насъ не сдѣлается важнаго переворота въ состояніи, будемъ ограничиваться въ годъ однократнымъ другъ къ другу увѣдомленіемъ. Теперь, я не сомнѣваюсь въ вашемъ прежнемъ ко мнѣ расположеніи, желаю, что-бы сіи дружественныя связи сохранились до гроба.

Извините, и позабылъ поздравить васъ съ новымъ годомъ,—дай Богъ вамъ обновиться духовно и тѣлесно; затѣмъ желаю, душеспасительно начавъ, окончить св. Четырехдесятницу и съ живѣйшею радостію срѣтить свѣтлосносный праздникъ Христова воскресенія“.

На это дружеское посланіе отвѣчалъ я 8-го мая; но что писалъ, не помню.

Марта 1-го дня послѣдовала нѣкоторая перемѣна къ лучшему въ моей училищной службѣ. Въ слѣдствіе приказанія, даннаго преосвященнымъ Пароеніемъ семинарскому начальству, имѣть меня въ виду при первой вакансіи на высшую учительскую должность,—я переведенъ былъ изъ перваго приходскаго класса въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища на мѣсто учителя Бѣляева, перешедшаго во Владимірѣ на должность эконома семинаріи. Мнѣ поручено было преподавать греческій языкъ, катихизисъ, славянскую грамматику и ариметику. Больше стало трудовъ, по больше получалъ и вознагражденія за труды: вмѣсто 300 рублей ассигнаціями я сталъ получать уже 500 р. Я не могъ конечно не радоваться и не благодарить Бога за такое лестное ко мнѣ вниманіе со стороны начальства: по эта радость растворялась нѣкоторымъ чувствомъ скорби. Я видѣлъ, что мое повышеніе причинило огорченіе моему

1843 г. родственнику, старшему меня по лѣтамъ службы, учителю 2-го приходскаго класса, о. Василю Харизоменову; особенно негодовала на меня завистливая жена его Анна Парееввна.

Преподаваніе катихизиса, славянской грамматики и ариометики не составляло для меня особеннаго затрудненія; но греческій языкъ, хотя я и достаточно знакомъ былъ съ грамматическими правилами его, потребоваль отъ меня не малаго труда. Для того, чтобы основательнѣе съ нимъ познакомиться, не разъ прочиталь я огромный томъ Греческой грамматики, составленной по Цумту *Поповымъ*, и сдѣлалъ изъ него не мало выписокъ.

Къ совмѣщенію учительской должности съ священническою встрѣчались иногда нѣкоторыя затрудненія; поэтому я долженъ былъ время отъ времени обращаться къ помощи заштатнаго соборнаго священника, 80-ти лѣтняго старца, о. Пареевня Тумскаго. За совершеніе одной литургіи платилъ я ему по 15-ти копѣекъ серебромъ, а съ вечернею и утренею по 20-ти копѣекъ. Онъ былъ очень радъ и такой, по видимому, ничтожной наградѣ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ пріѣзжалъ въ Муромъ, въ гости къ своему родственнику, стряпчему А. А. Горицкому, Горицкій священникъ В. В. Сапоровскій. Онъ не разъ и меня посѣщаль. По возвращеніи изъ Мурома домой, онъ писалъ мнѣ отъ 7-го марта:

„Простите великодушно, что до сихъ поръ не воздалъ вамъ чувствительнѣйшей благодарности за пріятное угощеніе и тѣ ласки, каковыми вы вкупѣ съ Анной Васильевной меня одарили. Кромѣ мірскихъ обязанностей, суетъ домашнихъ, особенною причиною молчанія было слабое здоровье. Пошировавши до сыта въ нашемъ Муромѣ и умучась дорогою съ слѣпымъ старикомъ, такъ разстроился, что и теперь чувствую большую слабость. Отъ васъ ѣхаль я вертепами и лѣсами до родины— стараго Николы и едва-едва добрался. Теперь утомляетъ продолжительная каждодневная служба и исповѣдники. Праведно говорить: у стараго коня, не постарому ходьба; бывало въ Дунилово, какъ ясенъ соколъ леталь, а нынѣ и въ Горицахъ, яко черепаха ползаю чуть-чуть. Какъ то вы теперь поживаете?